

В заснеженном поселке Подмосковья
Мы сживали часто, коротая
Досуг в домишке из сосновых бревен,
И вслушивались в завыванье вьюги.
Его густые волосы сбегали,
Пересекая лоб открытый слева.
Как были тонки и подвижны пальцы!
Он голову откидывал при чтенье,
Он отличался легкою походкой,
Он радовался, как дитя, пороше.
Я помню — он любил смотреть подолгу
На снег, свалившийся на плечи леса.
Когда читал он вечером метельным,
России сердце в тех строках стучало.
Я видел битвы на равнинах снежных
И ощущал себя их очевидцем.
Смерть меднохвостой огненной лисицей
Выглядывала из лесу и снова
Скрывалась.
Мы же не подозревали
(Хотя сосновый бор был близко, близко!),
Что на снегу нетронутым, конечно,
Она следы незримо оставляла.
В те дни глядели мы не на лисицу,
А в песен чистые глаза гляделись!
Какое дело было нам до смерти!
Ушел вослед лисице меднохвостой
Мой друг с безоблачным и добрым сердцем.
Что делать! Уходящий за лисицей
Уже не возвращается обратно:
Его пути заносит снег глубокий,
А расстоянья поглощают голос.
Вступают смерть и память в поединок,
Но друга память уступить не хочет:
Поэзия спешит на бой со смертью,
Поэзия бросает смерти вызов.
Когда из жизни он ушел,
планета Мне показалась холодней, суровой.
Обычно это происходит с нами,
Когда теряем близких безвозвратно.
Всю силу дружбы — крепости алмаза —
Оставьте мне,
Поэзия и Память!
1946

